

На правах рукописи

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович

**ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПОДХОД К
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности,
история психологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре психологии личности факультета психологии
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Петровский Вадим Артурович

доктор психологических наук, профессор

Василюк Федор Ефимович

доктор психологических наук, профессор

Леонтьев Дмитрий Алексеевич

Ведущая организация: Российская Академия государственной службы
при Президенте РФ

Защита состоится 23 октября 2009 г. в 15.00 на заседании диссертационного
совета Д 501.001.14 в МГУ имени М.В.Ломоносова по адресу: 125009, Москва,
ул. Моховая, дом 11, корпус 5, аудитория ____.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени
М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан _____ 2009г.

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета

Ждан А.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность.

Феномен психологической трансформации личности, открывая личность в горизонте трансформации бытия человека в мире и времени – человека трансформирующегося, транзитного, временного – радикально проблематизирует психологию и в концептуально-парадигмальном плане, и в онтологически-темпоральном плане, и в плане экстремальности, и в плане психологической помощи. В результате, основные категории – субъект, самость, идентичность, используемые в психологии для понимания личности человека (Адлер А., Жане П., Фрейд З., Роджерс К., Олпорт Г., Маслоу А., Выготский Л.С., Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н., Узнадзе Д.Н.), утрачивают онтологическую обеспеченность. Действительно, субстанциональному тотальному самостийному субъекту, автономной самодетерминированной идентичности, объявлена смерть (Барт Р., Кристева Ю., Фуко М.), и он исчезает в плюральных, межкультурных кодах, дискурсивных практиках, самонаррациях (Герген К., МакАдамс Д., Бруннер Дж., Харе Р., Сарбин Т., Лифтон Р., Маркус, Нури и др.). Таким образом, в психологии возникает фундаментальный вопрос, который требует адекватной постановки и решения: как онтологически возможна личность как трансформирующееся единство многообразия способов существования в мире.

В последнее время в психологии обостряются и активизируются методологические дискуссии о предмете психологии – о монизме и плюрализме (Мазин В.А., Асмолов А.Г., Зинченко В.П., Юревич А.В., Слободчиков В.И., Соколова Е.Е., Смирнов С.Д., Смирнов С.Д. и Корнилова Т.В., Розин В.В.), о расколе, схизисе теоретической психологии и психологической практики (Юревич А.В., Василюк Ф.Е., Пузырей А.А.). Личность рассматривается во множестве миров, мультисубъектности, множественности (Асмолов А.Г., Леонтьев Д.А., Мухина В.С., Петровский В.А.). Возникает принципиальный вопрос – если личность признается множественным феноменом, то необходимо превратить постулат целостности, связности личности в проблему, требующую объяснения (Выготский Л.С.). Следовательно, является крайне актуальным выдвижение принципа связывания и раскрытие онтологически-темпоральной работы, связывающей многообразие (Магомед-Эминов М.Ш., 1998).

В онтологическом аспекте существование современного человека носит

экстремальный характер в наиболее широком смысле неповседневной онтологии в связи с утратой традиций, ослаблением роли религии, глобализацией, информационным состоянием культуры, возрастающим размахом научно-технического прогресса, увеличением числа и масштаба различного рода катастроф, развитием виртуальных, знаково-графических реальностей и др. Следовательно, возникает необходимость построения общепсихологической концепции экстремальной ситуации в наиболее широком метапсихологическом значении бытия личности в повседневном и неповседневном (экстремальном) модусах существования (Магомед-Эминов М.Ш. и др., 1990; Магомед-Эминов М.Ш., 1996, 1998). При этом недостаточно рассмотреть личность только в абстрактной философской онтологии, в том числе, субъекта как сущего с определенным способом существования, субъекта жизни (Рубинштейн С.Л.), индивидуальную форму общественного бытия (Абульханова К.А.), или в определенных формах активности конкретных субъектов, в которой она как раз и исчезает как конкретный человек, который может быть определен только на перекресте модусов бытия. Является актуальным создание в рамках метапсихологии конкретной человеческой онтологии бытия, в которой с новой точки зрения личность можно рассмотреть в полной позитивной конкретности в драмах жизни (Выготский Л.С., Политцер Ж., Рубинштейн С.Л.), при этом в дуальной, диалогической онтологии бытия-небытия, бытия-инобытия, собственного и несобственного бытия. Небытие, следовательно, надо рассмотреть в основании бытия личности, требующего введения понятия смысла небытия, смысла смерти. Следуя этой установке, вопреки идее многообразного, но единого интерперсонального жизненного мира (Гуссерль Э., Хабермас Ю.), повседневного жизненного мира феноменологической социологии и социального конструирования (Щютц А., Бергер П., Лукман Т., Герген К.), повседневного мира чистого Dasein (Хайдеггер М.), конкретного повседневного мира неопозитивистов и постпозитивистов (Рассел Б., Уайтхед, Витгенштейн Л. и др.), текстуальной, нарративной реальности постмодернистского постструктурализма (Барт Р., Деррида Ж.), мы предлагаем разделение модусов бытия человека на повседневный (ординарный) и неповседневный (трансординарный, экстремальный) (Магомед-Эминов М.Ш., 1990, 1996, 1998). Это позволит, на наш взгляд, в частности, рассмотреть экстремальность не в негативных рамках

медицинской парадигмы расстройства, биологической модели стресса, узко-психологических аффективно-когнитивных моделей стресса, а с точки зрения трансформационной онтологии личности как конкретного, сингулярного человека. В таком ракурсе экстремальность понимается как неповседневный, предельный модус бытия личности (краевой феномен), конституирующийся в горизонте бытия и небытия, жизни и смерти, соотносимый с двумя темпоральными горизонтами – допредельным, повседневным модусом бытия и запредельным, трангрессивным модусом бытия (Магомед-Эминов М.Ш., 1996, 1998).

Крайне актуальным является, учитывая особенности феномена экстремальности и достижения психотехнической парадигмы (Василюк Ф.Е., Пузырей А.А.), осуществить следующий шаг в разработке методологии, теории и техник психологической практики и сделать это на пути освобождения от тисков, рамок психотерапевтической парадигмы в горизонте собственно психологической помощи, не совпадающей, на наш взгляд, с психотерапевтической помощью. Данный подход мы основываем на понимании психологической помощи с точки зрения концепции работы личности и фундаментального принципа заботы как интенциональной направленности психологической работы с сингулярным человеком, а не с субъектом или объектом (Магомед-Эминов М.Ш., 1998, 2006, 2007).

Для конкретной реализации намеченного проекта актуальной является разработка деятельностно-смыслового подхода к психологической трансформации личности, посредством прямой постановки вопроса о двух движениях – движении деятельности и движении смысловых трансформаций. Для решения этой задачи в конкретном плане мы отталкиваемся от динамической парадигмы деятельностного подхода (Асмолов А.Г., Петровский В.А.), исследований динамически-смысловых систем, мотивации (Асмолов А.Г., Петровский В.А., Братусь Б.С., Иванников В.А., Леонтьев Д.А.).

Целью нашей работы является построение деятельностно-смыслового подхода к психологической трансформации личности в бытии в мире, в том числе в переходах повседневного (ординарного) и неповседневного (экстремального) модусов бытия личности в мире; исследование ее закономерностей, механизмов, форм и способов.

В соответствии с данной целью в работе выделяются и решаются

методологические, теоретические и эмпирические, в том числе, экспериментальные **задачи**:

1. Методологический анализ феномена трансформации личности с точки зрения деятельностно-смыслового подхода, вычленение основного содержания этого понятия в различных областях научного знания и психологических подходах.

2. Создание общепсихологической концепции трансформации личности в переходах повседневного и неповседневного модусов бытия, включая теоретический синтез ряда ключевых философских и общепсихологических категорий, определение концептуальной области и разработка концептуального поля понятий.

3. Разработка методологии и методов эмпирического изучения психологической трансформации личности во взаимопереходах повседневного и неповседневного модусов существования.

4. Трактовка с позиций деятельностно-смыслового подхода к трансформации личности феноменов экстремальности, травмы, утраты, горя, смылоутраты и смыслообретения, самоидентичности и т.д.

5. Разработка на основе деятельностно-смыслового подхода к трансформации личности и фундаментального принципа заботы (о Я и Другом) принципов, методов, техник оказания психологической помощи.

Объект исследования: деятельность, поведение и дискурсы людей в переходе повседневного и неповседневного существования.

Предмет исследования: психологические закономерности, механизмы, формы психологической трансформации бытия личности в переходах повседневного и неповседневного существования.

Теоретико-методологическую основу исследования составили методологические принципы общей психологии и философии, такие как:

- культурно-деятельностный подход (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Лурия А.Р.);
- историко-эволюционный подход (Асмолов А.Г.);
- аксиологический подход (Братусь Б.С.);
- теория деятельности, субъектно-деятельностный подход, анализ проблем человека и мира, концепция бытия (Рубинштейн С.Л.);

- конструктивистский и психосемантический подход (Петренко В.Ф.);
- марксистская философия, философия жизни, фундаментальная онтология, деконструкция, номадология;
- психодинамический подход, гуманистический подход;
- антропологический подход.

Основные концептуальные положения выстраиваются с опорой на позиции:

- принципа социо-культурной детерминации психических явлений, принципа развития (Абульханова-Славская К.А., Андреева Г.М., Асмолов А.Г., Басов М.Я., Брушлинский А.В., Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Ломов Б.Ф., Мясищев В.Н., Рубинштейн С.Л., Фельдштейн Д.И. и др.);

- принципа системности (Абульханова К.А., Ананьев Б.Г., Анцыферова Л.И., Асмолов А.Г., Брушлинский А.В., Рубинштейн С.Л., Юдин Э.Г.);

- принцип субъектности (Ананьев Б.Г., Абульханова-Славская К.А., Бодалев А.А., Брушлинский А.В., Деркач А.А., Климов Е.А., Леонтьев А.Н., Марцинковская Т.Д., Петровский А.В., Петровский В.А., Смирнов С.Д. и др.);

- принципа единства общения и деятельности (Андреева Г.М., Бодалев А.А., Донцов А.И., Леонтьев А.Н., Леонтьев А.А., Ломов Б.Ф., Эльконин Д.Б. и др.), сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн), психики и деятельности (Леонтьев А.Н.);

- концепции психологии переживания (Василюк Ф.Е.);

- концепции волевой регуляции (Иванников В.А.);

- психологии смысла (Леонтьев Д.А.);

- концепции надситуативной активности (Петровский В.А.);

- акмеологического подхода (Реан А.А.);

- гуманитарного подхода к психологии труда и инженерной психологии (Стрелков Ю.К.);

- идеи коллективного субъекта деятельности (Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., и др.);

Гипотезы:

1. В культурно-историческом бытии целостность личности как

конкретного человека в бытии дифференцируется на многообразие способов существования, поднимая вопрос об онтологическом статусе идентичности личности.

2. Множество разнородных способов существования личности в бытии в мире связывается в единство – и в структурном, и в онтологическом плане – в культурно-исторической работе личности.

3. Полноценное рассмотрение личности в бытии в мире требует перехода от абстрактной онтологии бытия к конкретной онтологии бытия-небытия и различения двух фундаментальных модусов бытия личности – повседневного (ординарного) и неповседневного (экстремального) и рассмотрения их в взаимопереходах.

4. В онтологии личности смысл необходимо определить во взаимопереходе смысла жизни и смысла смерти, смысла бытия и смысла небытия. Мотивацию и смысл личности необходимо дифференцировать на: 1) мотивационные образования, смысловые образования; 2) мотивационную работу, смысловую работу, в которых образования конструируются соответственно.

5. Деятельностно-смысловая трактовка психологической трансформации позволяет рассмотреть трансформацию личности как преобразование формации, структуры, из одной временной формы существования в другую временную форму существования в преобразующей работе личности.

6. Феномен экстремальности как экстремальный модус бытия личности имеет три аспекта, выражающихся в феномене страдания, стойкости и роста (трангрессии) и дифференцирующихся в конкретных модусах бытия личности.

7. Воздействие травматического опыта, опыта утраты опосредствовано смысловой работой личности в ретроспективной, актуальной и проспективной работе в единстве трех временных модусов.

8. Психологическая помощь как психологическая работа осуществляется в ситуации заботы о человеке (о бытии и времени человека) как фундаментального метапсихологического феномена. Обучение оказанию психологической помощи требует не только обучения техникам переживания, понимания, повествования – объяснения, описания, конструирования – но и

формирования заботы о Другом.

Эмпирическая база исследования состояла из результатов эмпирических исследований автора на материале следующей выборки (общий объем выборочной совокупности – 6000 человек):

* военнослужащие и гражданские лица, непосредственные участники военных событий в Афганистане 1979- 1989 гг. (2420 человек);

* население из различных регионов РФ и других республик СССР, лично не принимавших участие в военных событиях на территории Афганистана (1094 человека)

* военнослужащие, участвовавшие в вооруженных конфликтах в Чеченской Республике (182 человека);

* военнослужащие, получившие инвалидность I - III группы в войне в Афганистане, проживающие в Москве и Московской области (203 человека);

* студенты МГУ – участники чрезвычайных ситуаций – пожаров в Главном здании МГУ 2005-2006 гг. (180 человек);

* юноши и девушки с различным травматическим опытом (350 человек);

* лица с опытом утраты и горя (182 человека);

* лица, пострадавшие в чрезвычайных ситуациях - терактах (взрывы домов в г. Москве в 1999 – 2001гг) (200 человек);

* родители, потерявшие детей (105 человек);

* онкобольные, неизлечимо больные пациенты хосписа (25 человек);

* пациенты клиник с различной нозологией (81 человек);

* юноши и девушки – игроки в военизированные игры (62 человека);

* мужчины и женщины, принявшие участие в эксперименте по исследованию повседневности и неповседневности (320 человек);

* ветераны войны в Афганистане, участники групп психологической помощи (122 человека);

* участники тренинговых групп (232 человека).

Методы исследования

- Метод деконструкции-конструкции-реконструкции жизненного мира
- Метод сферической темпоральности опыта
- Транзитный метод

- Метод смыслонарративного анализа опыта
- Эксперимент
- Метод психологической помощи

Для диагностики личностных особенностей использованы:

А) стандартизованные опросники:

1) Тест воздействия стрессовых событий – Опросник IOES (Impact of Event Scale) Хоровитца, переведенный и модифицированный Магомед-Эминовым М.Ш. (Магомед-Эминов М.Ш., 1998),

2) Миссисипская шкала (МШ) для оценки степени выраженности посттравматических стрессовых реакций у ветеранов боевых действий(1) и гражданских лиц (2) (Keane T. M., et al., 1987,1988), переведенный и модифицированный Магомед-Эминовым М.Ш. (Магомед-Эминов М.Ш., 1998).

Б) Интервью:

1) полуструктурированное интервью,

2) глубинное интервью

Этапы исследования. Использованный комплекс методов был обоснован в соответствии с тремя этапами исследования:

- на *первом этапе (1986-1998 гг.)* изучалась научная литература, систематизировались существующие подходы и теории; определялись исходные позиции и уточнялись концептуальные положения исследования, формулировались гипотезы и понятийный аппарат; был создан методический инструментарий, проведены крупные популяционные исследования, предложен трансформационный подход к личности в экстремальных стрессовых ситуациях;

- на *втором этапе (1998-2004 гг.)* разрабатывалась программа эмпирического исследования; конкретизировались и апробировались методики изучения психологической трансформации личности в экстремальном и повседневном модусах бытия; уточнялась модель, программа эксперимента;

- на *третьем этапе (2004-2008 гг.)* было организовано и реализовано эмпирическое исследование трансформации личности в современном обществе; осуществлялась количественная и качественная обработка, систематизация и анализ полученных данных; осуществлялось формулирование основных обобщений и выводов.

Надежность, достоверность и обоснованность результатов обеспечена теоретико-методологической проработанностью проблемы; использованием взаимодополняющих методов исследования, адекватных цели и задачам работы; применением апробированных методик; репрезентативностью выборки; количественным и качественным анализом полученных эмпирических данных с использованием статистических процедур.

Положения, выносимые на защиту:

1. Психологическая трансформация личности вводит в психологию движение, переход и может быть рассмотрена в двух движениях – движении идей, т.е. концептуально-парадигмальных трансформациях, и движении вещей, сущих, т.е. в онтологической трансформации личности как человека трансформирующегося, темпорального в культурно-историческом бытии в мире в «со-бытии» с Другими.

2. Рассмотрение личности в онтологическом горизонте трансформации бытия человека радикально проблематизирует категории субъекта, самости, идентичности, используемые в психологии для рассмотрения человека как личности и в концептуально-парадигмальном, и в онтологическом планах, найдя свое выражение в идее смерти субъекта, кризиса идентичности, исчезновения онтологической обеспеченности личности в самонаррации, дискурсивной практике и др.

3. Раскрытие феномена трансформации в существе бытия личности не только имеет негативный аспект исчезновения онтологии личности, но и включает в себе позитивный аспект, создающий горизонт нового понимания онтологии личности в бытии человека трансформирующегося, временного, существующего в переходе по модусам жизненных миров и модусам существования и открывающегося как сингулярность на перекресте множества способов существования.

4. Данная фундаментальная проблема может быть поставлена вопрошанием – как онтологически-темпорально возможна личность как текущее единство форм и способов существования текущего многообразия.

5. Помощь в решении данной фундаментальной проблемы может быть основана только на подходе, раскрывающем существо личности существующего в мире в перекресте многообразия способов существования в горизонте работы личности. В бытийно-темпоральной, культурно-исторической

работе личности связывается многообразие способов существования в ходе осуществления исторического бытия.

6. В структуре трансформации выделяется: 1) трансформирующаяся, преобразующаяся, конструирующаяся идентичность личности как временная формация; 2) работа различения, дифференциации идентичности на транзитные временные формы: «пре», «в» и «пост»; 3) работа связывания, связывающая транзитные формы; 4) работа личности, в которой в ходе работы различения и работы связывания идентичность преобразуется, превращается из одной формы в другую.

7. Работа личности объясняет трансформацию личности на многообразии в ходе конструирования идентичности, индивидуальности в единстве: 1) работы связывания и работы различения идентичности; 2) вертикальной и горизонтальной работы; 3) работы сознания, работы мотивации, смысловой работы и других феноменов, имплицитированных в работу личности. Работа личности конкретизируется в переходе от трансформационной работы к транзитной работе, к бытийно-темпоральной работе, к культурно-исторической работе. В культурно-исторической работе личность осуществляет онтологическое конструирование самоидентичности, истории бытия личности в ходе усвоения и производства культурно-исторического опыта в работе приобщения и отчуждения, воспроизведения и развития опыта бытия, своего и чужого. В горизонт онтологического рассмотрения истории личности в культурно-исторической работе имплицитировано конструирование нарративной идентичности, автобиографической идентичности.

8. Структурно-морфологически деятельность соотносительна мотиву, а динамически-трансформационно – мотивации, в которой различаются мотивационные образования и мотивационная конструирующая работа. Мотивационная работа дифференцируется на четыре модуса: работа инициации, работа селекции, работа реализации, работа постреализации – и два горизонта: премотивации и постмотивации – создающих транзитный круг.

9. Смысл личности необходимо дифференцировать на: 1) смысловые образования, структуры, системы и 2) смысловую конструктивную работу личности. Полноценное деконструирование и конструирование смысловых образований требует: 1) перехода от субстанциональных,

онтологических смысловых форм, образований, структур, систем, форм жизни к трансформационной онтологии темпоральных фактических смыслов бытия личности; 2) темпорального понимания смысла; 3) эквивокальности, релятивности смысла личности как со-отнесения смысла для меня и смысла для другого; 4) перехода от униполярного смысла как жизненного смысла к эквивокальному смыслу, определяющемуся в со-отнесении смысла жизни, смысла смерти, смысла бытия и смысла небытия, L-смыслами и D-смыслами; 5) перехода от принципа иерархизации, генерализации, ассимиляции смысловых структур к принципу несинтезируемых, гетерогенных констелляций смысловых единиц жизни, бытия, существующих в смысловой работе связывания, удерживающего различие.

10. Предложен общепсихологический подход к пониманию экстремальности на основе разделения целостного индивидуального бытия личности на повседневный и неповседневный (в том числе экстремальный) модусы бытия личности, которые дифференцируются на конкретные модусы бытия: трансгрессивный модус, предельный модус, анапсиотический модус, деструктивный модус, экстатический модус и др.

11. Эмпирически выявлено, что существование личности в экстремальном модусе бытия личности дублирует и фрагментирует идентичность личности на множественную идентичность. Для объяснения множественной идентичности предлагается представление о многоликости, многообразии различающихся исторических ликов, воплощений (принцип Протея), а для разрешения этой проблемы – культурно-историческая работа как практика культуры заботы, связывающей многообразие воплощений в целостность самости (принцип Прометея). Онтологическое различие, дублирующее, диалогизирующее индивидуальное бытие, существование жизненного мира как «со-бытия» развертывается в многообразии соответствующих феноменов – в многообразии существований личности, требующих их онтологического связывания в бытийную констелляцию. Обнаружено, что смысловые конфликты вызываются гетерогенными, неассимилируемыми смысловыми структурами, создающими дублирование (или фрагментацию), бимодальную (эквивокальную) «L – D» (жизнецентрированные и смертецентрированные смыслы) смысловую структуру. Выявлено, что травматическое событие создает травматические и

посттравматические реакции не прямо, а рекурсивно, отсроченно, в опосредствующей смысловой работе личности, перерабатывающей этот опыт в ретроспективной, актуальной и проспективной работе личности в единстве прошлого, настоящего и будущего. Показано, что жизненный опыт человека, испытанный им в предшествующей ситуации (преситуации, фактум), продолжает возвратно, рекурсивно развиваться в последующей ситуации, постфактум, обрабатываясь в работе личности (в том числе, нарративной) через призму текущего, активного, возвратного опыта и грядущего, потенциального, трансгрессивного опыта.

12. Предлагается смысловая концепция психологической травмы и утраты, в рамках которой психологическая травма рассматривается как конструктивный феномен, манифестация экстремального режима (модуса) функционирования личности – экстремального модуса бытия личности, конституирующегося в диалогическом смысловом горизонте перехода – драматического контакта смысла бытия и смысла небытия.

13. Предложена развернутая классификация модусов бытия личности в мире в горизонте темпоральной констелляции повседневного и неповседневного модусов бытия личности в мире. Экстремальная ситуация рассматривается не только негативно-психологически, но и позитивно-психологически в единстве трех аспектов: негативного, нейтрального, позитивного. Эти аспекты выражаются в феноменах страдания, стойкости, трансгрессии.

Научная новизна заключается в том, что впервые разработана метапсихологическая концепция трансформации личности с точки зрения деятельностно-смыслового подхода, раскрывающая психологическую основу изменений личности в переходах повседневного и неповседневного модусов бытия. Разработана системно-динамическая модель мотивации, концепция смысловой работы личности. Предложена общепсихологическая трактовка экстремальности, метапсихологическая концепция бытия личности в неповседневном мире. Создана концепция транзитного субъекта. Сформулирована конкретная онтология бытия личности, отличная от абстрактной онтологии, в повседневном и неповседневном (экстремальном) модусах бытия личности. Предложена концепция работы личности, позволяющая разрешить проблему онтологической необеспеченности

идентичности в культурно-исторической практике. Это значительно расширяет научные представления о структурном, темпоральном, смысловом аспектах бытия человека в «со-бытии» с другими. Разработана концепция сферической темпоральности и темпоральной трактовки личности, субъекта.

Показано, что исследование психологической трансформации предполагает использование междисциплинарного подхода с учетом результатов разработки данной проблемы философией, социологией, культурологией, общей психологией, социальной психологией, психологией развития, психологии практики. Разработанная концепция психологической трансформации способствует развитию общепсихологической теории деятельности и культурно-исторического подхода.

Работа вносит вклад в развитие общепсихологической теории деятельности и создание концепции психологической помощи. Результаты исследования способствуют уточнению понятий экстремальность, психическая травма, утрата, горе, работа личности, нарративная работа личности, смыслоотчуждение, смыслоосуществление, смысловая травма, смысловой конфликт, посттравматический рост, стойкость. Предложено понятие «психологическая трансформация личности», «работа личности», «модель трансформация личности».

Созданная деятельностно-смысловая концепция трансформации личности открывает возможность для становления и развития научного и практического направления – психологической помощи и экстремальной психологии.

Теоретическая значимость состоит в том, что в диссертации:

- создано новое теоретическое направление – деятельностно-смысловой подход к онтологии бытия личности в мире и времени во взаимопереходе повседневного и неповседневного способов существования, в котором ключевой для психологии феномен движения, становления личности в существовании в мире концептуализирован с точки зрения понятия психологической трансформации личности. Наиболее полную позитивную трактовку этот термин получает в горизонте феномена темпоральности, который отличается от линейного, дискретного физического времени и представляет собой превращение структуры, формации личности (в том числе, смысловой) из одной формы существования в другую форму существования посредством преобразующей, превращающей транзитной работы;

- создана концептуальная общепсихологическая модель психологической трансформации личности, предложено понимание психологической трансформации личности как структурного и бытийного феномена личности;
- разработаны структурный, темпоральный и смысловой аспекты психологической трансформации личности;
- выявлены и обоснованы механизмы психологической трансформации личности;
- обосновано метапсихологическое представление о личности как бытии в различных модусах существования: в повседневном и неповседневном, трансординарном модусах;
- обоснована и экспериментально проверена модель трансформации личности в экстремальной ситуации с точки зрения ее позитивных, негативных и нейтральных последствий.

Практическая значимость исследования. Созданная концепция психологической трансформации личности использована в качестве психологической основы профессиональной подготовки студентов-психологов по специализации «психологическая помощь», создании условий для формирования позитивной профессиональной идентичности психологов, изменении общественного мнения о психологической помощи и экстремальной психологии. Результаты и выводы исследования применяются при построении реабилитационных программ, программ помощи населению: молодежи, жертвам террористических актов и т.п.; при разработке программ центров психологической, медико-социально-психологической помощи населению. Результаты разработок были апробированы при создании и функционировании Психологической службы ветеранов Афганистана, директором которой является автор с 1989 года. Прикладные и фундаментальные разработки автора находят свое применение в работе Научного Совета РАН «История мировой культуры», в котором автором была создана комиссия по проблемам психоанализа кризисных состояний культуры.

Материалы диссертации были использованы при создании образовательных программ – Психоаналитической Ассоциации СССР и Психоаналитической Ассоциации РФ, президентом которой является автор; Академии психоанализа; научно-исследовательской лаборатории по изучению личности в экстремальной стрессовой жизненной ситуации, руководителем,

которой являлся автор с 1990 по 2004 г., созданной им по решению ГКНТ СССР, Верховного Совета СССР; в рамках НИР Московского университета, учебно-научного центра Психологической помощи для обучения студентов; подготовки специалистов в области экстремальной психологии и психологической помощи; наконец, кафедры экстремальной психологии и психологической помощи факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты могут быть использованы в учебном процессе при подготовке специалистов в системе высшего и дополнительного образования. Они включены в авторские курсы: «Групповая психотерапия» (с 1986 г.), «Глубинная психология: теория, психодиагностика и психологическая помощь» (с 1989 г.), «Посттравматический стресс: теория, психодиагностика и психологическая помощь» (с 1989 г.); факультатив «Актуальные проблемы психоанализа» (с 1986 г.), «Психическая травма» (с 1995 г.); спецпрактикум «Личность в экстремальной стрессовой жизненной ситуации» (с 1992), «Психодинамическая психотерапия» (с 1999 г.), спецпрактикум «Психологическое интервью» (с 1996 г.), спецпрактикум «Травмотерапия» (с 2000 г.), «Теория и практика психологической помощи» (с 2001 г.), «Методология психологической помощи» (с 2005 г.), «Экстремальная психология» (с 2005 г.), «Психология утраты» (с 2005 г.), «Психотравматология, психотанатология, психоадаптология» (с 2005 г.), «Позитивная психология» (с 2006 г.), читаемые на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; положены в основу авторских учебно-методических пособий. Нами разработана специализация для лиц с высшим образованием «Психологическая помощь» (с 2001 г.), дневного и вечернего отделения «Экстремальная психология и психологическая помощь», образовательные программы факультета психологии МГУ – вечернего отделения для лиц с высшим образованием (второго высшего), профессиональной переподготовки: «Психоанализ личности и межличностных отношений», «Стресс и стрессменеджмент», «Психологическая помощь» (с 2003 г.), магистерской программы по психоанализу.

Апробация и внедрение основных теоретических положений и результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации докладывались и обсуждались на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях: Ломоносовские чтения в Московском

государственном университете на факультете психологии в 1988, 1990, 1991, 1992, 1995, 1996, 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2006, 2007, 2008, 2009 гг.; на научно-практической конференции в Ростове-на-Дону, 1982 г.; Научно-практической конференции «Психолого-педагогические проблемы мотивации трудовой деятельности» в Новосибирске, 1985; Втором всесоюзном семинаре молодых ученых «Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности», Симферополь 1986.; Московской конференции по проблемам мотивации, 1987 г.; Шестом международном симпозиуме по психотерапии, София, 1988; Первой региональной школе-семинаре в Вологде. 1989; Научно-практической конференции, посвященной 30-летию факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997 г.; 4-ой конференции «Социально-психологическая реабилитация населения, пострадавшего от экологических и техногенных катастроф», Минск, 1997г.; 3-ем научно-практическом семинаре «Травматический стресс: теория, практика, психодиагностика», г. Южно-Сахалинск, 1998г.; Международной конференции «Общение 2000: проблемы и перспективы развития», Москва 2000; Конференции «Проблема беженцев и вынужденных переселенцев» Москва, 2000; ежегодных отчетных конференциях комиссии «Психоанализ кризисных состояний культуры» Научного совета РАН «История мировой культуры» 2001-2008гг.; Всероссийской конференции Российского психологического общества «Психология и ее приложения» Москва, 2002 г.; Международной конференции, посвященной памяти А.Р. Лурии, 1985 и 2002 год; Всероссийской конференции Российского психологического общества, Москва, 2002 г.; конференции «Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики» 24-25 ноября 2004 г., Казань; Межрегиональной научно-практической конференции «Практическая психология – вызовы эпохи», Москва, факультет психологии МГУ, 2005 г.; Научной конференции, приуроченной к 40-летию юбилею факультета психологии МГУ, 2006 г.; на заседании круглого стола «Психология экстремальных ситуаций: проблемы теории и практики», организованном Институтом психологии Российской академии образования, 2006 г.; конференции «Актуальные проблемы прикладной психологии» 2006 г., июнь Калуга; конференции «Психология перед вызовом будущего» в МГУ имени Ломоносова, 2004 г.; ежемесячном методологическом семинаре «Время, субъект, сознание, деятельность» на

факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова 2006-2008 гг.; Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008»; «Личность и бытие: субъектный подход» (к 75-летию А.В. Брушлинского); Всероссийской научной конференции с иностранным участием «Современная психология мышления: смысл в познании», посвященной 75-летию со дня рождения О.К. Тихомирова, 17-18 октября 2008 г.; Международной научно-практической конференции «Ананьевские чтения – 2008», 21-23 октября, Санкт-Петербург.

2) Результаты исследований с 2002 по 2008 гг. обсуждались на заседаниях Комиссии по кризисным состояниям культуры Научного Совета РАН (председателем которой является автор; заседаниях, научно-практических и методологических семинарах кафедры экстремальной психологии и психологической помощи и учебно-научного Центра психологической помощи факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

3) Результаты исследований автора 1988-2003 гг. были использованы при подготовке государственной программы медико-психологической реабилитации воинов-интернационалистов, программы психологической реабилитации ветеранов Афганистана в структурах Союза ветеранов Афганистана, Российского союза ветеранов Афганистана, (психологической службой которого автор руководит с 13 марта 1989 года по настоящее время), Комитета солдатских матерей и союза комитетов солдатских матерей, Фонда «Право матери»;

4) использовались в педагогической деятельности на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в процессе разработки программы специализации кафедры экстремальной психологии и психологической помощи в 2004-2009 гг.; в подготовке авторских учебных курсов по дисциплинам специализации общетеоретических курсов для специальности «Психология» («Глубинная психология», «Групповая психотерапия», «Посттравматический стресс: теория, диагностика, психологическая помощь», «Основы психологической помощи», «Личность в экстремальной стрессовой жизненной ситуации», «Экстремальная психология», «Позитивная психология человека» и др.);

5) В публикациях в печати. По теме диссертации опубликовано 66

печатных работ, в том числе: 10 монографий и учебных пособий, 7 учебно-методических работ, 28 статей в научных сборниках и журналах на русском и иностранном языках (английский), 21 - тезисов научных конференций.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения; пяти глав; заключения; выводов и списка литературы, включающего 736 наименований, из них 386 на иностранных языках. Общий объем основного текста диссертации – 528 машинописных страниц. В 13 приложениях представлены методические материалы и результаты первичной обработки данных, включающие таблицы, графики и рисунки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во введении определяется актуальность исследования, его теоретическое и практическое значение, новизна. Сформулированы гипотезы и положения, выносимые на защиту, представлены данные по апробации и внедрению результатов исследования.

В главе 1, реализуя культурно-историческую методологию, исследуется история развития представлений о психологической трансформации.

В параграфе 1.1. проводится терминологический, этимологический, научно-логический анализ понятия трансформации, которая, прежде всего, рассматривается в двух различающихся, хотя и связанных движениях – движении идей, т.е. парадигмально-концептуальной трансформации, и в движении вещей, сущих, точнее, в онтологической трансформации личности.

Показывается, что при попытке понять личность из онтологической инстанции трансформации человека, основные категории субъекта, идентичности, самости, которые используются в психологии для концептуализации человека как личности (Жане П., Фрейд З., Юнг К.-Г., Адлер А., Роджерс К., Олпорт Г., Гольдштейн К., Маслоу А., Выготский Л.С., Рубинштейн С.Л., Леонтьев А.Н., Узнадзе Д., Мясищев В.Н., Божович Л.И., Мерлин В.С., Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л.И., Кон И.С., Ильенков А.А., Фельдштейн Д.И., Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Петровский В.А., Мухина В.С. и др.) радикально проблематизируются и в плане трансформации идей, и в плане трансформации бытия личности в мире, утрачивая онтологическую обеспеченность, выражающуюся в идее смерти субъекта, идентичности (Фуко М., Барт Р., Кристева Ю.), его онтологической

необеспеченности в текстуальной реальности, мультикультурной, плюральной ситуации, дискурсивной практике, самонаррации и конструировании реальности (Герген К., МакАдамс Д., Брунер Дж., Харе Р.).

Для разрешения проблемы исчезновения онтологии субъекта, самости в трансформации культурно-исторического бытия личности предлагается деятельностно-смысловой подход, в котором трансформация может быть рассмотрена в самом существе личности, обретая онтологический статус трансформационной, производящей работы личности.

В параграфе 1.2., основываясь на культурно-исторической методологии, осуществляется деконструкция истории развития представлений о психологической трансформации и выделяется четыре взаимосвязанных аспекта: 1) онтологический, выражающийся в переходах повседневного и неповседневного существования; 2) иррациональности – символической, мифологическо-магической, религиозно-мистической, мифопоэтической и др.; 3) рациональности – философско-гуманитарной и естественно-научной рациональности; 4) практики – практики психологической помощи, основанной на практике заботы. Неповседневная онтология первобытной культуры отражается в мифологическо-символической форме в идеях переселения души, метампсихоза, метаморфоз, реинкарнации, являющихся наиболее ранними воззрениями о психологической трансформации души, в которых мы реконструируем: 1) базисную трансформационную спираль, круговорот, имеющий транзитную форму – «рождение – становление – умирание – воскресение»; 2) феномен душевно-духовной работы.

В параграфе 1.3. обсуждаются, классифицируются и систематизируются философско-гуманитарные представления о психологической трансформации. Показывается, что символическая трансформационная спираль повторяется в философско-гуманитарных представлениях, в которых субъект, который у Платона и Аристотеля раскрывался на основе принципа индивидуации, утрачивает свою онтологию объявлением смерти субъекту, что требует теоретического воскресения субъекта в горизонте культурно-исторической работы личности, осуществляющей заботу о бытии и времени (Я и Другого) (Хайдеггер М., Фуко М.).

В параграфе 1.4. осуществляется деконструкция феномена психологической трансформации на основе рассмотрения истории развития

учений о психологических последствиях травматического опыта. Эта линия в соединении с философско-гуманитарным направлением дает новые направления психологической трансформации в гуманистической, феноменологической, экзистенциальной психологии. Раскрывается идея наличия трансформационного круга и в корпусе трансформации.

Обосновывается идея конструирования психической травмы в культурно-исторической работе личности с опытом существования и фрагментации личности в ходе усвоения гетерогенного культурно-исторического опыта бытия в переходе повседневного и неповседневного опыта. Деконструкция истории психологической трансформации переходит в конструктивную работу, в которой психическая травма рассматривается как конструирование травмы в культурно-исторической работе личности, приводящее к трем последствиям: 1) негативным – трансформация как культурно-историческая аномия; 2) нейтральным – работа стойкости, воспроизведения, реконструкции; 3) конструктивным, трансформационным – феномен роста, развития.

В параграфе 1.5. обозначаются результаты проведенной деконструктивно-реконструктивной работы и конструируется строение феномена трансформации, вводятся термины: временная форма, дифференциация временных форм, связывание временных форм, переход временных форм, конструктивная, преобразующая работа временных форм. Обосновывается и аргументируется идея о транзитном круге трансформации и рекурсивной транзитной работе, имеющей три модуса – деконструктивный, реконструктивный и конструктивный. Дается предварительное определение трансформации: трансформация – это преобразование идентичности личности из предшествующей формы в последующую, осуществляющееся в преобразующей, трансформационной, конструктивной психической работе.

В параграфе 1.6. на основе проведенного анализа конкретизируются горизонты постановки проблемы трансформации. Утверждается, что рассмотрение человека в горизонте трансформации открывает феномен трансформации в существе личности, радикально проблематизируя психологию, забрасывая личность в дифферентность – негативно-деструктивный аспект, и заключает в себе позитивную возможность разрешения. В качестве средства проблематизации и разрешения предлагается деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности,

в котором вводится понятие работы личности как инструмента решения проблемы единства многообразия. Таким образом, принимается идея о переходе от целокупного субъекта как самотождественности ($A=A$), дифференцирующей в свойствах, атрибутах, к самоидентичности, т.е. личности как конкретному человеку, бытие которого основано на феномене различия ($A \neq A$ в своем существовании), требующем работы связывания.

В главе 2 вводятся исходные методологические и теоретические средства для формулировки деятельностно-смыслового подхода к психологической трансформации личности, используя концептуальный аппарат, подготовленный в предыдущей главе.

В параграфе 2.1. фундаментальная проблема, обозначенная вопросом, как возможна личность онтологически как единство многообразия, ставится с точки зрения превращения постулата целостности, связности в проблему, требующую объяснения (Выготский Л.С.), и представления о том, что личность не полипняк (Леонтьев А.Н.). Для решения данной проблемы выстраивается следующая научная логика. Прежде всего, для концептуализации онто-темпорального связывания многообразия личности вводится и аргументируется принцип связывания (Магомед-Эминов М.Ш., 1998). Далее, для ее объяснения вводится понятие работы личности (структурной и экзистенциальной), имеющей два взаимопереходящих, дуальных модуса – работа различения и работа связывания.

В двух последующих параграфах разворачивается концепция работы личности. В качестве отправного для разработки концепции работы личности берется термин «внутренняя работа», встречающийся в текстах и С.Л. Рубинштейна, и Б.Г. Ананьева, и А.Н. Леонтьева – в аспекте идей внутреннего движения сознания, решения задачи на смысл, занятия позиции, свершения поступка, связывания многообразия деятельностей в узлы личности (Леонтьев А.Н.) – данный термин понятийно и концептуально оформляется на основе анализа различных близких ему идей и их теоретического синтеза.

Теоретическая обоснованность данной концепции подтверждается, в частности, тем, что она является эффективным инструментом разрешения дискуссионной в психологии проблемы о месте субъекта, личности в деятельности – внутри и/или вне. В качестве способа разрешения этой проблемы предлагается понятие работы личности, основываясь на котором

выдвигается идея об имманентности и трансцендентности личности в деятельности. Два этих аспекта определяются в модусе горизонтальной работы личности – трансформации монодеятельности, моноэкзистенциально, и в модусе вертикальной работы личности – многообразия трансформирующихся, взаимодействующих деятельностей, т.е. полидеятельностно, полиэкзистенциально.

Далее, задается методологическая установка на рассмотрение личности в двух трансформациях – трансформации деятельности и трансформации смысла. Этот аспект прорабатывается на основе динамической парадигмы в культурно-деятельностном подходе (Асмолов А.Г., Петровский В.А.), исследования динамически-смысловых систем, мотивационно-смысловой регуляции (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Тихомиров О.К., Василюк Ф.Е., Леонтьев Д.А., Иванников В.А. и др.), концепций субъектности (Рубинштейн С.Л., Брушлинский А.В., Абульханова-Славская К.А., Петровский А.В. и др.) и др.

Теоретический синтез данных концепций позволяет уточнить термин «динамика» относительно личности на основе: 1) феномена трансформации (человека трансформирующегося и, следовательно, полиморфного, мультивокального); 2) транзитности (человека транзитного, переходного, путника); 3) темпоральности (человека временного); 4) феномена заботы – заботы о бытии (Я и Другого) и времени – в плане как хранения бытия, так и становления бытия личности, воли к длению, континуальной темпоральности. Предлагается принять за основополагающее понятие деятельностно-смыслового подхода понятие работы личности, которая и конкретизируется как внутренняя работа, работа сознания, смысловая работа, мотивационная работа, темпоральная работа (Магомед-Эминов М.Ш., 1998).

Разделяя образования, которые производятся и конструируются, и работу, в которой они производятся, мы реконструируем мотивацию с точки зрения мотивационной работы, смыслы – с точки зрения смысловой работы (Магомед-Эминов М.Ш., 1987, 1998). Так, с точки зрения системно-динамической модели (Магомед-Эминов М.Ш., 1987), в структурно-морфологическом плане деятельность соотносительна мотиву, а в динамическо-трансформационном плане она соотносительна мотивации, действующей по всему ходу осуществления деятельности, дифференцирующей процесс деятельности на

четыре континуальные фазы. Мотивационная работа, процесс деятельности и, соответственно, смысловая работа, рассматриваются в четырех взаимопереходящих структурах и работах – работе инициации, работе селекции, работе реализации, работе постреализации, окаймленных двумя темпоральными горизонтами – преработы и построботы, образующих транзитный цикл. Он опосредствован транзитной и возвратной, рекурсивной работой личности, имеющей структуру «появления – продолжения – исчезновения – возвращения».

В последующих трех параграфах излагается цикл из шести эмпирических исследований, направленных на обоснование концептуальной модели на основе эмпирической модели, операционализирующей переход транзитного субъекта по жизненным мирам. Использовались методы смыслового анализа, конструирования жизненных миров, нарративного анализа, контент-анализа мотивации. В эмпирическом исследовании 1 показано, что переход от одного жизненного мира к другому констатируется из трех образующих: пост-феномена – в работе личности воспроизводится опыт существования в пре-мире – в частности, испытуемые стремились переделать прошлое и превратить его вновь в настоящее. Пре-феномен характеризуется интенциональной работой с возможным опытом возвращения – в частности, испытуемые трансформируют будущее в прошлое и проводят проективную работу личности. Медиальный феномен характеризуется, с одной стороны, пассивно-созерцательной работой с процессом перехода; а с другой стороны, направленностью на необычные, новые, уникальные, трансгрессивные переживания.

В эмпирическом исследовании 2 была применена эмпирическая модель уцелевшего в ситуации возвращения, и было выявлено три способа конструирования транзитной ситуации: 1) первый способ состоит в вовлечении в мир возвращения без темпоральной отсрочки – наблюдается темпоральный разрыв и превалирует работа отчуждения от бывшего жизненного мира; 2) второй способ состоит в том, что человек продолжает в работе личности воспроизводить прошлый опыт, градуально отчуждаясь от актуального жизненного мира и возможных жизненных миров; 3) третий способ – наличие полного транзитного периода – характеризуется тем, что между бывшим и грядущим мирами, от которых индивид дистанцируется созданием

темпоральной отсрочки, выделяется, дифференцируется транзитная ситуация, в которой в сопряженной работе приобщения опыта и отчуждения опыта он расстается с прошлым и подготавливается к встрече будущего. Показано, что отсутствие полной структуры транзитной ситуации создает темпоральный разрыв жизненного опыта, смысловые кризисы травмо-трансформационной личности.

В эмпирическом исследовании 3 три аспекта транзитной работы – ретроспективная, актуальная и проспективная работа – конкретизируются в рамках мотивационной модели. На основе констатации исхода выживания испытуемые (уцелевшие) были разбиты на три группы: группа констатации успеха выживания, группа констатации неудачи выживания, группа неконстатации исхода. Показано, что неконстатация исхода связана с незавершением мотивационной постреализации, а феномен вторжения опыта в мотивационном плане носит характер фиксации на работе постреализации – у таких испытуемых продолжаются яркие воспоминания опыта – иллюминации. Вторая группа констатации успеха выживания делится на три подгруппы: 1) фиксации на самосохранении; 2) регрессии с констатации успеха выживания на предшествующий постфеномен и вовлеченность в работу повторения опыта; 3) перехода от мотивации самосохранения к транзитной мотивации. Результаты подтверждают, что фиксация на транзитной мотивации препятствует переходу к трансгрессивной мотивации, которая направляет человека на реконструирование жизни, интеграцию в жизнь и на конструирование и рост.

В цикле из следующих трех эмпирических исследований обосновывается концепция гетерогенной смысловой работы в противовес ассимилятивной концепции жизненного, автобиографического опыта (Хоровитц М. и др.). Выдвигается общая гипотеза о том, что: 1) гетерогенные смысловые структуры разнородных жизненных миров личности не интегрируются в рамках единой личностной системы даже мультиморфного, полиморфного, целокупного субъекта, что приводит к фрагментации субъекта; 2) полимультиморфная личность требует осуществления континуальной, связующе-различающей смысловой работы. Вне работы личности множественная личность распадается на множество автоидентичностей (принцип Протея), требующих принципа заботы о бытии и времени (принцип Прометея).

В эмпирическом исследовании 4 изучалась динамика смысловых

противоречий в гетерогенных группах, где участвовали и «афганцы», и «неафганцы», и в гомогенных группах, где участвовали только «афганцы» или только «неафганцы». Метод конструирован на основе идеи о экстернализации интрапсихических смысловых структур в интерпсихических смысловых связях. В гетерогенных группах смысловые противоречия между ветеранами и неветеранами приводили к смысловой поляризации и распаду групп. В гомогенной группе «неафганцев» смысловые противоречия не нарушали типичную групповую динамику. Гетерогенные интерпсихические смысловые противоречия, создающие межличностные смысловые конфликты, явно указывают на интрапсихические смысловые противоречия. Действительно, в гомогенных группах «афганцев» смысловые противоречия нарушали групповую динамику на 3-4-ом сеансах. Аналогичные данные были получены у горящих матерей (1989 г.), врачей (1990 г.).

В эмпирическом исследовании 5 наблюдение за жизнедеятельностью трех отдельных ветеранских клубов показало, что ветеранам характерен циклический процесс схождения-конфликта-расхождения, происходящий через 3-4 недели интенсивного общения. Этот смысловой круговорот хорошо согласуется с идеей транзитного круга повторения.

В эмпирическом исследовании 6 изучается смысловой конфликт уцелевшего. Показано, что превращение экстремального события в травматический стрессор опосредствуется смыслом события, определяющегося из горизонта биполярной структуры L-D смыслов. Смысловой опыт самой инцидентальной ситуации не создает травматического переживания, не вступая рекурсивно в связь со смысловым опытом мира возвращения, происходящего в единстве ретроспективной, актуальной и проспективной работы. В результате соотнесения смыслового опыта предшествующего жизненного мира, актуального и грядущего жизненных миров возникают смысловые конфликты.

В заключении главы 2 на основе качественного анализа выдвигается идея о конструировании психической травмы. Делается вывод, что вспоминание опыта, шире – переживание опыта, необходимо понимать как конструирование опыта в работе личности в контексте определенной жизненной ситуации, смысловом горизонте и позиции. Эмпирические данные обосновываются и интерпретируются в рамках структурной трансформации. Выделяются проблемы, не получившие достаточной теоретической и эмпирической

разработки, очерчивается горизонт для дальнейшей разработки модели.

Делается общий вывод о том, что понятие работы личности является необходимым, особенно, когда признается множественность, многообразие личности – идея, которая проповедуется не только в постмодернизме, постструктурализме, социальном конструировании, но и в теориях личности (Лифтон Р., МакАдамс Д., Герген К.), в мультисубъектности (Петровский В.А.), мультиличности (Леонтьев Д.А.), множественности человека (Асмолов А.Г.), субъектно-деятельностном подходе и др. Показывается, что в онто-темпоральном плане признание множественности личности предполагает работу онтологическо-темпорального связывания многообразия способов, модусов, проявлений личности.

Выдвигается идея о том, что от структур личности необходимо перейти к событию бытия личности, которое не генерализуется, не фиксируется в значениях и дискретных концептуальных структурах, а осуществляется в континуальной бытийно-темпоральной работе личности в ходе усвоения, конструирования смыслового опыта бытия.

Глава 3 посвящена онтологии психологической трансформации личности, в ней обосновывается и аргументируется переход от структурной трансформации к онтологической трансформации личности.

В параграфе 3.1. для постановки проблемы личности в онто-темпоральном горизонте проводится философско-методологический анализ концепций субъекта жизни, субъекта как сущего с определенным способом существования (Рубинштейн С.Л.), индивидуальной формы общественного бытия (Абульханова-Славская К.А.) и других субъект-центрированных концепций (Анцыферова Л.И., Мухина В.С., Абульханова-Славская К.А., Петровский В.А., Брушлинский А.В. и др.), в которых самостийный, автономный субъект рассматривается в то же самое время в разнообразных, мультиморфных, полиморфных акциденциях – гранях, ипостасях, ролях, активностях. Далее категории субъекта (и категории самости в зарубежной психологии) радикально проблематизируются с точки зрения утраты онтологии субъекта, самости, идентичности (Фуко М., Барт Р., Кристева Ю., Герген К., МакАдамс Д., Брунер Дж., Харе Р., Хоровитц М., Розин В.В. и др.), и для воскресения онтологии личности задаются метапсихологические концептуальные рамки для построения ее на новой, трансформативной

онтологии личности, в которой транзитность и, следовательно, темпоральность заданы в самом существе бытия личности.

Основываясь на методологических положениях о переходе от абстрактной психологии функций, процессов, свойств субстанционального субъекта, выделяющего бытие как противостоящий ему объект (Рубинштейн С.Л., Бердяев Н.А), к конкретной психологии человека в жизни в драмах (Выготский Л.С.) и о рассмотрении связывания узлов личности в бытии (Леонтьев А.Н.), формулируется ключевое для деятельностно-смыслового подхода в плане трансформационной онтологии личности понятие бытийно-темпоральной работы личности, имплицированной в само основание структуры, «тела» трансформирующегося бытия личности.

В параграфе 3.2., развивая трансформационную онтологию личности, мы различаем два фундаментальных модуса бытия (повседневный и неповседневный), точнее, модусы бытия и небытия, вопреки традиционной онтологии абстрактного человека, феноменологической установке интерсубъектного жизненного мира, повседневного жизненного мира (Гуссерль Э., Шютц А., Бергер П. и Лукман Т. и др.), экзистенциализму, фундаментальной онтологии Dasein в повседневности, в том числе, средней (Хайдеггер М., Сартр Ж.-П. и др.), неопозитивзму и постпозитивизму (Рассел Б, Витгенштейн Л.). Подробно рассматривается метапсихология трансформации личности в горизонте взаимоперехода модусов бытия и небытия, смыслов бытия – смыслов небытия, L- и D-смыслов, классификация модусов бытия и др.

Трактовка деятельности как единицы жизни, смысла – как смысловой единицы жизни, личности как события (Леонтьев А.Н.) в драмах (Выготский Л.С., Рубинштейн С.Л.) позволяет нам рассмотреть деятельностно-смысловой подход с точки зрения жизненного пути, жизненного пространства, жизненного мира (Абульханова-Славская К.А., Анцыферова Л.И., Василюк Ф.Е.), бытия личности в мире (Хайдеггер М., Рубинштейн С.Л., Петровский В.А.). Тем самым мы подходим к историческому рассмотрению трансформации, что позволяет понимать личность на основе темпоральности и истории личности в двух смыслах: 1) конструирования жизненных историй, нарративов, биографий, автобиографий; 2) онтологическо-темпорального конструирования истории бытия личности в мире в темпоральном единстве прошлого, настоящего и будущего. Для реализации этой идеи понятие внутренней работы, от которого

мы отправились, прорабатывается в более объемной, широкой концепции работы личности как бытийно-темпоральной, культурно-исторической работы, направленной на усвоение и производство культурно-исторического опыта (собственного и несобственного) в ходе воспроизведения и развития смыслового опыта бытия в мире в «со-бытии» с Другими.

В последующих параграфах излагаются результаты эмпирического исследования онтологии психологической трансформации в повседневном и неповседневном модусах существования.

Прежде всего, исследуется гипотеза о правомерности разделения действительности человеческого существования на два фундаментальных модуса. Она была проверена в эмпирическом исследовании 7, состоящем из четырех серий. В первых трех сериях дифференциация модусов проводилась в символическом плане, а в четвертой – в семантическом плане. В символическом исследовании испытуемые располагали перечень произвольно выбранных событий внутри или за кругом, по ту или иную сторону разделительной линии, по ту или иную сторону листа. В четвертой серии оценку двух модусов осуществляли на основе факторизации шкал семантического дифференциала. Было показано наличие символическо-семантической дифференциации двух модусов и выявлены значимые различия в двух модусах, выявлена их онтологическая со-релятивность по модусам бытия-небытия.

Следующий цикл эмпирических исследований (8) направлен на изучение метапсихологии события бытия личности на основе метода сферического экспериментирования, смысловнарративного анализа. Данные серии 1 подтверждают обоснованность сферической модели темпоральности по сравнению с линейной моделью времени: жизненные события личности (автобиографические события) размещены в темпорально-смысловой структуре жизненного мира, располагаясь в зависимости от признаков интенциональности, направленности, близости-дальности и др. Показано, что воспроизведение дискретного жизненного события – биографического события – не относится только к прошлому модусу времени, а продолжается, осуществляясь в континуальной темпорально-конструктивной работе личности в единстве трех модусов времени. Следовательно, за воспроизведением, шире – переживанием, опыта находится конструирование временной структуры и

конструирование темпорального опыта в работе личности.

В серии 2 были выявлены функции транзитного события на стыке повседневного и неповседневного модусов: транзитная, дизъюнктивная, связующая, кумулятивная, поворотная, базисная, терминальная, возвратная. Качественный анализ неповседневных событий позволил выявить архитектурно-сетевую организацию опыта на трех структурных уровнях, которые мы обозначили как экзоструктуру, мезоструктуру, эндоструктуру опыта.

В сериях 3 и 4 мы продолжали исследование конструирования жизненного опыта в двух разных ситуациях – повседневной и неповседневной. Сферический метод был дополнен методом переживания-описания, методом конструирования нарративов, методом воспроизведения в действии. Была подтверждена гипотеза о том, что опыт жизни в горизонте личности не просто вспоминается, а конструируется в работе, имеющей два аспекта – работа приобщения опыта и работа отчуждения опыта, работа связывания и работа различения опыта. В ходе конструирования истории жизни используется работа деструкции/негации, работа реконструкции/стойкости, работа конструкции/роста.

Выделена триадическая структура существования опыта в жизненном мире личности в конструктивной работе: 1) в форме фрагментарных, дискретных событий, соотносительных конкретным, партикулярным идентичностям личности – они воспроизводятся в конструктивной работе личности и размещаются в сферическом пространстве-времени жизненного мира; 2) в форме конструирования нарративов, автобиографий, биографий, жизненных историй, соотносительных нарративной идентичности; 3) в форме онтологического конструирования истории бытия личности в смысловой бытийно-темпоральной, культурно-исторической работе личности, в том числе, работе поступания (Бахтин М.М.) в единстве трех темпоральных модусов, миров. На основе данной серии исследований делается общий вывод: смысловая работа с опытом не фиксируется в предметности дискретного временного объекта или темпоральных знаков, а осуществляется в конструировании историй жизни, которые имплицированы в онтологическое конструирование в форме смысловой работы, в занятии позиции, поступании и т.д.

Эмпирическое исследование 9 было направлено на исследование наполнения модусов бытия событийным содержанием способов существования личности в мире. В эмпирическом исследовании жизненного опыта уцелевших результаты нарративного анализа, а также контент-анализ позволили выделить негативную и позитивную неповседневность (в том числе, экстремальность) и разделить негативную неповседневность на девять модусов бытия личности, позитивную неповседневность – на три модуса бытия личности, и повседневность – на верхнюю, нижнюю и среднюю повседневность.

В главе 4 излагается концепция психологии экстремальности, являющаяся общепсихологической, в наиболее широком ее значении – метапсихологической, в рамках которой мы поставили и провели системную разработку бытия личности в переходах повседневного (ординарного) и неповседневного (трансординарного, экстремального) способов существования, модусов бытия в мире.

В параграфе 4.1. обсуждается понятийный и концептуальный статус феномена экстремальности, который традиционно исследуется с негативистской точки зрения в рамках медицинской парадигмы, биологической концепции стресса, аффективно-когнитивных моделей психологии стресса. Задается общая методологическая установка на рассмотрение феномена экстремальности в горизонте трансформации бытия личности в экстремальности – неповседневном, трагическом модусе существования, релятивном повседневному, ординарному модусу.

Ключевым для разработки подхода является: 1) понимание экстремальности как предельного феномена, конституирующегося на перекресте бытия и небытия, повседневности и неповседневности, открывающего темпоральную конечность человеческого существования, ставя перед человеком бытийную задачу утверждения бытия или следование небытию; 2) смысловая концепция экстремальности, в которой смысл рассматривается соотносительно смысла бытия, жизни и смысла небытия, смерти (L и D смыслы), трансформации самости; 3) модель трансформации мотивации личности в экстремальной ситуации; 4) модель трансформации самости в переходах ординарного и экстремального модусов существования; 5) модель темпоральности, в рамках которой ставится проблема темпорального разрыва и темпорального связывания временных форм опыта; 6) модель

рекурсивности бытия личности в переходе повседневного и экстремального модусов бытия, в ходе которого осуществляется культурно-историческая работа личности по усвоению, овладению опытом бытия личности в экстремальности на пути становления бытия личности; 7) идеи о том, что экстремальность, как двуликий Янус, имеет не только негативный лик страдания, расстройства, небытия, но и позитивный лик сохранения, утверждения бытия человека, развития и роста личности; 8) модель трансформации структуры опыта; 9) модель гетерогенной смысловой работы личности взамен ассимилятивной концепции автобиографического события.

Задача на смысл имплицирована в бытийно-темпоральную работу становления истории бытия личности – в работе личности в актуальной ситуации личность работает рекурсивно со следами собственного бытия. Неассимилированный в смысловую структуру опыт создает диссоциацию опыта, приводящую к ценностно-смысловым конфликтам и смысловым кризисам. Перед уцелевшим стоит задача деонтизации смерти (объявление смерти смерти – очищение самоидентичности от радикалов смерти), онтизация жизни (возрождение жизни – объявление жизни жизни). В ходе этой бытийно-темпоральной работы происходит трансформация самоидентичности, осуществляется переход от самоидентичности жертвы к самоидентичности уцелевшего и от нее – к самоидентичности роста.

Смысловой конфликт, создающий смысловую диссоциацию и смыслотрансформацию личности, мы рассматриваем темпорально – в единстве прошлого, настоящего и будущего горизонтов смыслообразования. При этом кроме смыслового конфликта в травматической ситуации (первичный конфликт, преконфликт), мы выделили смысловой конфликт в ситуации возвращения (вторичный конфликт), который переходит в горизонт будущего (третичный конфликт) в смысле проблем интеграции в социум, самоопределения, развития, роста личности (Магомед-Эминов М.Ш. и др., 1990; Магомед-Эминов М.Ш., 1998; Magomed-Eminov M., 1997).

Однако, кроме негативно-страдальческого лика, который вызывает основной интерес у психологов, экстремальность имеет другую, оборотную сторону – стойкости, мужества, героизма, сострадания, помощи, иллюминации, роста, развития, трансгрессии и др. В целом, этих сторон и ликов экстремальности много, но в данной работе мы раскрываем многообразие

горизонтов рассматриваемого феномена с точки зрения триады «негативность – нейтральность – позитивность».

В последующих параграфах изучаются закономерности трансформации личности в экстремальной ситуации существования. Прежде всего, изучается феномен фиксации на экстремальном опыте в позитивной (вторжение) и негативной (избегание) форме (Фрейд З., Линдемманн Э., Хоровитц М., Лифтон Р., Фигли К., Вильсон Дж., и др.), особенно, так называемые диссоциативные феномены – флэшбэк (Хоровитц М.), флэшбалб (Браун Р. и Кулик Дж., Найсер У.).

В эмпирическом исследовании 10 проводится две серии. В первой серии воспроизводится эксперимент Брауна и Кулик. Во второй серии изучаются воспоминания жизненного опыта уцелевших. Данные показывают, что экстремальные жизненные события, повторяющиеся в формате конечной, дискретной смысловой временной Я-формы, являются интенциональным, ноэтическим предметом конструктивной работы личности. Проблема флэшбэка и флэшбалба ставится теперь по-другому – задается вопрос об устойчивости, яркости, которые, собственно говоря, и являются проблемой при оказании психологической помощи.

Во второй серии проводился нарративный анализ в условиях конструирования мира и временной сферы. Результаты показывают, что компульсивно повторяющийся опыт имплицирован в горизонт D-смыслов, которые превращают событие, прежде всего, в дизъюнктивные темпоральные знаки. Как наррация, так и конструирование жизненного мира в окаймленных горизонтах вызывает у испытуемых возрастание напряжения, страха, тревоги, паники, даже предметные формы, следы. Тогда был использован метод градуального конструирования, реконструирования, который показал, что флэшбэк является смысловым инвариантом предметной смысловой работы личности, в горизонте которой происходит кумуляция смыслового опыта. Было выявлено три вида компульсивного повторения, флэшбэка, флэшбалба, в основе которых лежит три вида работы: 1) работа элиминации (негации), которая направлена на обесмысливание D-смыслов; 2) работа реконструкции, которая направлена на укрепление уверенности в себе, стойкости, мужества; 3) работа конструкции, которая направлена на повторение позитивных потенций, которые могут быть использованы в будущем. Таким образом, было выявлено,

что за повторением фиксированных сценариев скрыта смысловая работа, которая в них не отражается. Эти результаты были подтверждены на исследовании кошмарных сновидений (11).

В эмпирическом исследовании 12 специально исследовалась последовательность работы негации (элиминации) – работы стойкости (реконструкции) – работы роста (конструкции) при воспоминании экстремального опыта у людей, которые столкнулись с гипертоническим кризом. В ходе смыслового анализа их опыта было обнаружено, что описание происходящего во время криза имеет трехслойную структуру: 1) негативный – рассказ о неприятных переживаниях при повышении давления; 2) стойкости – рассказ о моменте преодоления, выхода; 3) трангрессивный – испытуемые переживали особые состояния обновления, радости, восторга, с одной стороны, возвращаясь к позитивному прошлому опыту; с другой стороны, испытывали необычные переживания.

В исследовании 13 мы изучали феномен роста. Исследование посттравматического роста проводилось с помощью опросника посттравматического роста Р. Тадеша и Л. Калхауна в нашей адаптации на ветеранах чеченской войны (112 чел), на гражданских людях, переживших различные экстремальные события (140 чел). Мы подтвердили гипотезу о том, что в экстремальной ситуации актуализируется трангрессивная мотивация, и она обретает статус транзитной мотивации, требующей реализации – ее фрустрация может создать компульсивное повторение.

Задачами экспериментального исследования 14 «Война», проведенного с 4-мя группами подростков (всего 64 чел), у которых после игры в пейнтбол формировались 3 разных установки и одной – контрольной группы не получавшей никаких установок. Были выявлены механизмы, функции гетерогенной смысловой структуры. Показано, что механизм работы связывания гетерогенного смыслового опыта по принципу различения опыта путем различия, но удержания (метод приближения-удаления) является наиболее эффективным по сравнению с механизмом ассимиляции.

В заключении делается общий вывод: экстремальная ситуация может иметь для человека как негативные последствия, так и нейтральные и позитивные. Ситуация травматического опыта может стать как источником страдания, так и источником стойкости, мужества и даже роста, просветления.

Стойкость в испытании опосредствует и страдание и просветление.

В главе 5 излагается авторская концепция культурно-исторической работы личности, которая эмпирически подтверждается на материале психологической трансформации при утрате и горе.

В параграфе 5.1 обосновывается и аргументируется трансформационная модель утраты, сформулированная для разрешения противоречия между классическим и модернистским подходами к горю. Показано, что переживание горя выходит за пределы аффективно-когнитивных реакций на потерю близкого человека, охватывая самые глубинные, ядерные смысловые структуры личности и ее отношение к трагическому бытию. При решении задачи на смысл в ситуации утраты и горя личность не остается кросстемпоральной и кросситуационной, а трансформируется вплоть до основания структуры личности, т.е. самоидентичности. Вводится и рассматривается феномен рекурсивности бытия личности, под которым понимается работа по воспроизведению, обновлению и развитию опыта бытия личности (в том числе, отсутствующего Другого) в ходе усвоения, приобщения опыта к свершающемуся континуальному индивидуальному бытию и отчуждения от него. Утверждается, что рекурсивность собственного бытия является условием сохранения образа утраченного и почвой развития, становления грядущего бытия значимых Других, в том числе, близких, продолжающих жить.

Выделено противоречие в понимании переживания человеком утраты, возникшее между классической концепцией «разрыва уз» (Фрейд З., 1984, 1989, 1990; Bowlby J., 1960, 1960; Lindemann E., 1944; Parkes СМ., 1996; Freud S., 1915) и модернистской концепцией «продолжения привязанности» (Stroebe M.S., Hansson R.O., Stroebe W., Schut H., 2001; Bonanno, G.A., 2004), что приводит к диаметральному различиям в стратегии оказания психологической помощи горюющему человеку. В отечественной литературе при исследовании этой проблемы в целом отмечается крен в сторону классической концепции, особенно, в практическом аспекте, хотя надо отметить оригинальную концепцию Ф.Е. Василюка (Василюк Ф.Е. 1991, 2005). Делается вывод, что, несмотря на отмеченное различие между двумя подходами, они рассматривают привязанность в рамках аффективно-когнитивного принципа, в то время как привязанность конструируется интерперсонально. Предлагается заменить обнаруженную дихотомию синтетическим единством, основанным на

конструктивной смысловой работе личности с опытом бытия, которая в свою очередь является темпоральным продуктом, претерпевающим непрерывную трансформацию по логике решения личностью смысловых жизненных задач (Магомед-Эминов М.Ш., 1998).

В параграфе 5.2. выявляется и анализируется феномен «присутствие отсутствия» – близкий человек физически умер, но психологически продолжает существовать как непрерывно трансформирующийся смысловой продукт душевно-духовной работы личности близкого человека. В конструктивной, рекурсивной, культурно-исторической, работе личности опыт конструируется в единстве работы приобщения и работы отчуждения, оживляется, воспроизводится, обновляется и развивается, складываясь в историю жизненного пути ушедшего, его биографию, нарратив. В свою очередь, в переживание опыта фиксации «присутствие уже отсутствующего» властно вторгается будущее, требующее продолжения быть вопреки небытию.

Предлагается модель трансформации привязанности как синтетического единства разрыва и сохранения, осуществляемых в конструктивной работе личности в горизонте трансформации триады «самоидентичности – идентичности личности Другого (утраченного и оставшихся в живых значимых Других) – структуры привязанности». Обращение личности с событием утраты рассматривается как триединство, триада «страдание – стойкость – рост».

В параграфе 5.3. обсуждаются результаты двух исследований, посвященных проблеме культурно-исторической работы личности при утрате и горе. Исследование 15 было направлено на выявление и описание феномена утраты и горя, количественный и качественный анализ нарративов респондентов по утрате и горю, а также отработку методов воздействия и психологической помощи в подобных ситуациях. При анализе нарративов, описывающих мысли, чувства и действия в ситуации горя, была выявлена триада мотивационных тенденций: мотивация отказа, негации (элиминация смерти) (60,8%), мотивация стойкости (сохранения, адаптации) (18,9%), мотивация роста (16,1%), незначительно представлена амбивалентная или смешанная мотивация (4,3%). Полученные данные свидетельствуют о различиях в темпоральных ориентациях (на пре-феномен, актуальное состояние-медальность, пост-феномен) мыслей, чувств и действий в ситуации горя. Обнаружены значимые различия в показателях сдвигов в оценке

самочувствия ($\chi^2= 14,88$, $p<0.005$) и настроения ($\chi^2= 8,77$, $p<0.05$) под воздействием погружения в позитивные положительные эмоции без подавления негативных.

В исследовании 16, которое было проведено в 1989 году в рамках Психологической службы США для оказания психологической помощи матерям, потерявшим на войне детей, центральной являлась проблема темпорально-бытийного размещения утраченного в жизненном мире. По результатам опроса участников были выделены группы, характеризующиеся существенными различиями интенсивности фиксации на травме ($\phi=0.305$, $\chi^2=5.206$, $p<0.05$). Была установлена связь между трансформацией самоидентичности, самости утратившего, и репрезентации образа умершего. На основании полученных результатов подчеркивается, что образ ушедшего может быть сохранен в позитивном смысле только путем: 1) его деконструкции, требующей 2) конструирования новой самоидентичности, новой идентичности личности утраченного и соответствующей новой структуры связей; 3) наделения репрезентации местом в феноменальном жизненном мире, 4) наделения ее временем во временной структуре мира утратившего; 5) формирования смысловой структуры региона размещения утраченного в жизненном мире утратившего.

Данные позволяют сделать следующие выводы: 1) результаты в целом, обобщенно скорее работают в пользу метапсихологического принципа незаменимости Я, самости в существовании; 2) результаты ставят под сомнение универсальность экзистенциального принципа незаменимости только собственного Я в ужасе Ничто (смерти), приводящего к экзистенциальному солипсизму.

В заключении сделаны выводы:

1. Психологическая трансформация личности вводит в психологию движение, переход и может быть рассмотрена в двух движениях – движении идей, т.е. концептуально-парадигмальных трансформациях, и движении вещей, сущих, т.е. в онтологической трансформации личности как человека трансформирующегося, темпорального в культурно-историческом бытии в мире в «со-бытии» с Другими.
2. Рассмотрение личности в онтологическом горизонте трансформации бытия человека радикально проблематизирует категории субъекта,

самости, идентичности, используемые в психологии для рассмотрения человека как личности и в концептуально-парадигмальном, и в онтологическом планах, найдя свое выражение в идее смерти субъекта, кризиса идентичности, исчезновения онтологической обеспеченности личности в самонаррации, дискурсивной практике.

3. Раскрытие феномена трансформации в существе бытия личности не только имеет негативный аспект исчезновения онтологии личности, но и заключает в себе позитивный аспект, создающий горизонт нового понимания онтологии личности в бытии человека трансформирующегося, временного, существующего в переходе по модусам жизненных миров и модусам существования и открывающегося как сингулярность на перекресте множества способов существования.
4. Данная фундаментальная проблема может быть поставлена вопрошанием – как онтологически-темпорально возможна личность как текущее единство форм и способов существования текущего многообразия.
5. Помощь в решении данной фундаментальной проблемы может быть основана только на подходе, раскрывающем существо личности существующего в мире в перекресте многообразия способов существования в горизонте работы личности. В бытийно-темпоральной, культурно-исторической работе личности связывается многообразие способов существования в ходе осуществления исторического бытия.
6. В структуре трансформации выделяется: 1) трансформирующаяся, преобразующаяся, конструирующаяся идентичность личности как временная формация; 2) работа различения, дифференциации идентичности на транзитные временные формы: «пре», «в» и «пост»; 3) работа связывания, связывающая транзитные формы; 4) работа личности, в которой в ходе работы различения и работы связывания идентичность преобразуется, превращается из одной формы в другую.
7. Работа личности объясняет трансформацию личности на многообразии в ходе конструирования идентичности, индивидуальности в единстве: 1) работы связывания и работы различения идентичности; 2) вертикальной и горизонтальной работы; 3) работы сознания, работы мотивации, смысловой работы и других феноменов, имплицитированных в работу личности. Работа личности конкретизируется в переходе от

трансформационной работы к транзитной работе, к бытийно-темпоральной работе, к культурно-исторической работе. В культурно-исторической работе личность осуществляет онтологическое конструирование самоидентичности, истории бытия личности в ходе усвоения и производства культурно-исторического опыта в работе приобщения и отчуждения, воспроизведения и развития опыта бытия, своего и чужого. В горизонт онтологического рассмотрения истории личности в культурно-исторической работе имплицировано конструирование нарративной идентичности, автобиографической идентичности.

8. Структурно-морфологически деятельность соотносительна мотиву, а динамически-трансформационно – мотивации, в которой различаются мотивационные образования и мотивационная конструирующая работа. Мотивационная работа дифференцируется на четыре модуса: работа инициации, работа селекции, работа реализации, работа постреализации – и два горизонта: премотивации и постмотивации – создающих транзитный круг.
9. Смысл личности необходимо дифференцировать на: 1) смысловые образования, структуры, системы и 2) смысловую конструктивную работу личности. Полноценное деконструирование и конструирование смысловых образований требует: 1) перехода от субстанциональных, онтологических смысловых форм, образований, структур, систем, форм жизни к трансформационной онтологии темпоральных фактических смыслов бытия личности; 2) темпорального понимания смысла; 3) эквивокальности, релятивности смысла личности как со-отнесения смысла для меня и смысла для другого; 4) перехода от униполярного смысла как жизненного смысла к эквивокальному смыслу, определяющемуся в со-отнесении смысла жизни и смысла смерти, смысла бытия и смысла небытия, L-смыслами и D-смыслами; 5) перехода от принципа иерархизации, генерализации, ассимиляции смысловых структур к принципу несинтезируемых, гетерогенных констелляций смысловых единиц жизни, бытия, существующих в смысловой работе связывания, удерживающего различие.
10. Предложен общепсихологический подход к пониманию экстремальности

на основе разделения целостного индивидуального бытия личности на повседневный и неповседневный (в том числе, экстремальный) модусы бытия личности, которые дифференцируются на конкретные модусы бытия: трансгрессивный модус, предельный модус, анапсиотический модус, деструктивный модус, экстатический модус и др.

11. Эмпирически выявлено, что существование личности в экстремальном модусе бытия личности дублирует и фрагментирует идентичность личности на множественную идентичность. Для объяснения множественной идентичности предлагается представление о многоликости, многообразии различающихся исторических ликов, воплощений (принцип Протея), а для разрешения этой проблемы – культурно-историческая работа как практика культуры заботы, связывающей многообразие воплощений в целостность самости (принцип Прометея). Обнаружено, что смысловые конфликты вызываются гетерогенными, неассимилируемыми смысловыми структурами, создающими дублирование (или фрагментацию), бимодальную (эквивокальную) «L – D» (жизнецентрированные и смертецентрированные смыслы) смысловую структуру. Выявлено, что травматическое событие создает травматические и посттравматические реакции не прямо, а рекурсивно, отсроченно, в опосредствующей смысловой работе личности, перерабатывающей этот опыт в ретроспективной, актуальной и проспективной работе личности в единстве прошлого, настоящего и будущего. Показано, что жизненный опыт человека, испытанный им в предшествующей ситуации (преситуации, фактум), продолжает возвратно, рекурсивно развиваться в последующей ситуации, постфактум, обрабатываясь в работе личности (в том числе, нарративной) через призму текущего, активного, возвратного опыта и грядущего, потенциального, трансгрессивного опыта.
12. Предлагается смысловая концепция психологической травмы и утраты, в рамках которой психологическая травма рассматривается как конструирование травмы в культурно-исторической работе: 1) происходящей из горизонта бытия-небытия 2) в экзистенциальной позиции, направленной пассивно или активно на D-смысловую работу.
13. Предложена развернутая классификация модусов бытия личности в мире

в горизонте темпоральной конstellляции повседневного и неповседневного модусов бытия личности в мире. Экстремальная ситуация рассматривается не только негативно-психологически, но и позитивно-психологически в единстве трех аспектов: негативного, нейтрального, позитивного. Эти аспекты выражаются в феноменах страдания, стойкости, трансгрессии.

Содержание диссертационного исследования отражено в основных публикациях автора (общим объемом 162 п.л.- авт. вклад 151 п.л.):

Статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ в Перечне ведущих рецензируемых журналов и изданий:

1. Магомед-Эминов, М.Ш. Трехфакторная модель когнитивной структуры мотивации достижения / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 1984. - №1. - С. 57-59 (0,2 п.л.).
2. Магомед-Эминов, М.Ш. Анализ когнитивного подхода в зарубежных теориях мотивации / М.Ш. Магомед-Эминов, И.А. Васильев // Вопросы психологии. – 1986. - №5. – С. 161-168 (0,5 п.л. - авт. вклад 0,25 п.л.).
3. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 1996. - №4. - С. 26-35 (0,5 п.л.).
4. Магомед-Эминов, М.Ш. Психология уцелевшего / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. - 2005. - №3. - С. 3-19 (1,1 п.л.).
5. Магомед-Эминов, М.Ш. Триада расстройство, стойкость, рост как последствие экстремальной ситуации / М.Ш. Магомед-Эминов // Акмеология. - 2009. - №1. - С. 53-63 (0,9 п.л.).
6. Магомед-Эминов, М.Ш. Феномен посттравматического роста / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. - 2009. – Вып.3 (71). - С. 111-117 (0,7 п.л.).
7. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация самоидентичности личности при горе / М.Ш. Магомед-Эминов // Развитие личности. - 2009. - №1. - С. 110-120 (0,5 п.л.).
8. Магомед-Эминов, М.Ш. Определение экстремальной ситуации / М.Ш. Магомед-Эминов // Российский психологический журнал. - 2009. - №2. -

С. 17-24 (0,9 п.л.).

9. Магомед-Эминов, М.Ш. Повседневный и неповседневный жизненные миры личности / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестник университета. Государственный Университет Управления. – 2009. - №4. С. 67-70 (0,5 п.л.).

Монографии и учебные пособия:

10. Магомед-Эминов, М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. Методические рекомендации. Украинский институт усовершенствования врачей / М.Ш. Магомед-Эминов, Г.И. Кадук, А.Т. Филатов, О.Г. Квасова. – Харьков, 1989. - 36 с. (2 п.л. - авт. вклад 1 п.л.).
11. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивация и контроль за действием / М.Ш. Магомед-Эминов, И.А. Васильев. – М.: МГУ, 1991. - 144 с. (9,0 п.л. - авт. вклад 4.5 п.л.).
12. Магомед-Эминов, М.Ш. Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 1998. – 496 с. (15,5 п.л.).
13. Магомед-Эминов, М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. Методические рекомендации / М.Ш. Магомед-Эминов, Г.И. Кадук, А.Т. Филатов, О.Г. Квасова.- М.: АНОУМО «Инсайт», 2004. - 2-е изд, дополн. и исправл. – 200 с. (5,0 п.л. - авт. вклад 2.5 п.л.).
14. Магомед-Эминов, М.Ш. Экстремальная психология. Т.2. / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2006. – 576 с. (20,0 п.л.).
15. Магомед-Эминов, М.Ш. Психология психической травмы. От «железнодорожного спинного мозга» к «травматическому неврозу» / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2006. – 200 с. (7,0 п.л.).
16. Магомед-Эминов, М.Ш. Позитивная психология. Т. 1 / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2007. – 560 с. (37,0 п.л.).
17. Магомед-Эминов, М.Ш. Позитивная психология. Т. 2 / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2007. – 624 с. (37,0 п.л.).
18. Магомед-Эминов, М.Ш. Феномен экстремальности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2008. – 218 с. (5,0 п.л.).
19. Магомед-Эминов, М.Ш. Внутренняя работа: конструирование временной формы / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация, 2008. – 218 с. (5,0 п.л.).

Научные публикации в других изданиях:

20. Магомед-Эминов, М.Ш. Влияние разных типов каузального приписывания на поведение: социально-психологические факторы повышения эффективности идеологической деятельности / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону, 1982. С. 66-68 (0,15 п.л.).
21. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивация общения / М.Ш. Магомед-Эминов // Печатные материалы Луриевских чтений. - М.: МГУ, 1985. – С. 63-97 (0,7 п.л.).
22. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивация и мотив / М.Ш. Магомед-Эминов // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебно-трудовой деятельности. Печатные материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 1985. - С. 33-35 (0,15 п.л.).
23. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивационная регуляция поведения / М.Ш. Магомед-Эминов // Эмоционально-волевая регуляция поведения и деятельности. II всесоюзный семинар молодых ученых. - Симферополь, 1986. - С. 58-59 (0,1 п.л.).
24. Магомед-Эминов, М.Ш. Психодиагностика мотивации. Объект и методы / М.Ш. Магомед-Эминов // Общая психодиагностика / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1987. - С. 155-162 (0,4 п.л.)
25. Магомед-Эминов, М.Ш. Когнитивные теории мотивации / М.Ш. Магомед-Эминов // Печатные материалы московской конференции по проблемам мотивации. - М., 1987. – С.117-118 (0,1 п.л.).
26. Магомед-Эминов, М.Ш. Проективный тест Х. Хекхаузена / М.Ш. Магомед-Эминов // Практикум по психодиагностике / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1988. – С. 47-58 (0,6 п.л.).
27. Магомед-Эминов, М.Ш. Тест мотивации достижения / М.Ш. Магомед-Эминов // Практикум по психодиагностике / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1988. – С. 36-47 (0,5 п.л.).
28. Магомед-Эминов, М.Ш. Тест мотивации афиллиации / М.Ш. Магомед-Эминов // Практикум по психодиагностике / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1988. – С. 58-67 (0,5 п.л.).
29. Магомед-Эминов, М.Ш. Измерение мотивации достижения / М.Ш. Магомед-Эминов // Практикум по психодиагностике / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1988. – С. 163-170 (0,4 п.л.).
30. Магомед-Эминов, М.Ш. Интенсификация клиент-центрированной психотерапии / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы 6 Межд. симпозиума по

- психотерапии. - София, 1988. С. 115-117 (0,15 п.л.).
31. Магомед-Эминов, М.Ш. Психологически-ориентированная психотерапия / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы 1-ой региональной школы-семинара. - Вологда, 1989. – С. 36-48 (0,1 п.л.).
  32. Магомед-Эминов, М.Ш. Никто не забыт / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы всесоюзной конференции Союза ветеранов Афганистана. - М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. – С. 9-28 (0,1 п.л.).
  33. Магомед-Эминов, М.Ш. Синдром фронтовика / М.Ш. Магомед-Эминов // Побратим. - М.: Воениздат, 1989. – С. 3 (0,3 п.л.).
  34. Магомед-Эминов, М.Ш. В поисках душевного равновесия / М.Ш. Магомед-Эминов // Побратим. - М.: Воениздат, 1989. – С. 3 (0,2 п.л.).
  35. Магомед-Эминов, М.Ш. Практикум по психодиагностике / М.Ш. Магомед-Эминов // Психодиагностические материалы. - М.: МГУ, 1988. С. 66-102 (1,85 п.л.).
  36. Магомед-Эминов, М.Ш. Психодиагностика мотивации и саморегуляции / М.Ш. Магомед-Эминов // Практикум по психодиагностике / под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина. - М.: МГУ, 1990. – С. 82-106 (1,25 п.л.).
  37. Магомед-Эминов, М.Ш. Актуальные вопросы современной психотерапии / М.Ш. Магомед-Эминов // Новое в психотерапии и немедикаментозном лечении больных на курорте / под ред. Г.И.Кадука. - Харьков, 1990. – С. 62-73 (0,4 п.л.).
  38. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность в экстремальной стрессовой жизненной ситуации / М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Квасова // Общая психология. Сборник программ дисциплин специализации. - М.: МГУ, 1992. - С. 91-92 (0,1 п.л., авт. вклад 0,05 п.л.).
  39. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и аномалия / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы конференции. - Минск: БГУ, 1996. – С. 115-118 (0,1 п.л.).
  40. Магомед-Эминов, М.Ш. Предисловие / М.Ш. Магомед-Эминов // Аппигнанези, О.Зарате. Психоанализ в иллюстрациях. Пер. с англ. / под ред. М.Ш. Магомед-Эминова.- М.: Психоаналитическая ассоциация, 1996. – С. 5-8 (0,2 п.л.).
  41. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и трансформация / М.Ш. Магомед-Эминов // Материалы научной конференции, посвященной 30-летию факультета психологи МГУ им. М.В.Ломоносова. - Вестн.Моск.Ун-та, сер. 14, Психология, 1997. – С. 66-69 (0,5 п.л.).
  42. Magomed-Eminov, M. Post-traumatic Stress Disorders as a Loss of the Meaning of Life. / Magomed-Eminov, M. // States of Mind. Ed.D.Halpern

- A.Voiskunsky. - Oxford Univ. Press., 1997. - P. 238-250 (1,2 p.p.).
43. Магомед-Эминов, М.Ш. Посттравматический стресс / М.Ш. Магомед-Эминов // Общая психология. Сборник программ дисциплин специализации. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – С. 70-73 (0,2 п.л.).
  44. Магомед-Эминов, М.Ш. Глубинная психология / М.Ш. Магомед-Эминов // Общая психология. Сборник программ дисциплин специализации. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – С. 73-78 (0,3 п.л.).
  45. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность в экстремальной стрессовой жизненной ситуации. Психодиагностика посттравматического стресса / М.Ш. Магомед-Эминов, О.Г. Квасова, В.С. Клевцов, Е.И. Максимов, В.Б. Березкина-Орлова // Общая психология. Сборник программ дисциплин специализации. – М.: Российское психологическое общество, 1998. – С. 129-130 (0,2 п.л.- авт. вклад 0,1 п.л.).
  46. Магомед-Эминов, М.Ш. Расстройство общения при психической травме / М.Ш. Магомед-Эминов // Международная конференция «Общение 2000: проблемы и перспективы развития».- М., 2000. С. 78-82 (0,15 п.л.).
  47. Магомед-Эминов, М.Ш. Психопатология смысла / М.Ш. Магомед-Эминов // «Проблема беженцев и вынужденных переселенцев: материалы круглого стола. М., 2000. С. 29-45 (1 п.л.)
  48. Магомед-Эминов, М.Ш. Психопатология смысла / М.Ш. Магомед-Эминов // Психологи о мигрантах и миграции в России. Информационно-аналитический бюллетень №2. - М.: Российское общество Красного креста, 2001. - С.44-63 (0,95).
  49. Магомед-Эминов, М.Ш. Психодинамика общения / М.Ш. Магомед-Эминов // Психология и ее приложения. Том 9, вып.3 / под ред. Д.Б. Богоявленской, Т.Ю. Базарова, Е.А. Климова. - М.: АНО «УМО «Инсайт», 2002. – С. 11-13 (0,2 п.л.).
  50. Магомед-Эминов, М.Ш. Нарцисстический стресс / М.Ш. Магомед-Эминов // Международная конференция, посвященная памяти А.Р.Лурия. - М.: Инсайт, 2002. - С. 84-85 (0,1 п.л.).
  51. Магомед-Эминов, М.Ш. Проблема психической травмы и конфликта в психоанализе / М.Ш. Магомед-Эминов // Всероссийская научно-практическая конференция памяти профессора А.И.Белкина 24-26 мая 2004 г. - М.: Русское психоаналитическое общество, 2004. – С. 47-51 (0,15 п.л.).
  52. Магомед-Эминов, М.Ш. Предыстория концептуализации феномена ПТСР (посттравматического стрессового расстройства) / М.Ш. Магомед-Эминов // Психология состояний. Хрестоматия / под ред. А.О. Прохорова. - М., СПб.:

- ПЕРСЭ, Речь, 2004. – С. 168-174 (0,4 п.ч.).
53. Магомед-Эминов, М.Ш. Мотивационные детерминанты стресса / М.Ш. Магомед-Эминов // Психология состояний. Хрестоматия / под ред. А.О. Прохорова. - М., СПб.: ПЕРСЭ, Речь, 2004. – С. 78-83 (0,25 п.ч.).
54. Магомед-Эминов, М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса / М.Ш. Магомед-Эминов, Г.И. Кадук, О.Г. Квасова, А.Т. Филатов // 2-е изд, исправл. Методические рекомендации. – М.: АНОУМО «Инсайт, 2004. – 112 с. (5,6 п.л. - авт. вклад 2.8 п.л.).
55. Магомед-Эминов, М.Ш. Понятие психотравмотерапии / М.Ш. Магомед-Эминов // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки: материалы конференции. – Казань, 2004. – С. 28-31 (0,25 п.л.).
56. Магомед-Эминов, М.Ш. Теория и практика оказания психологической помощи: современное состояние проблемы психологии уцелевшего / М.Ш. Магомед-Эминов // Психологическая помощь / под ред. М.Ш. Магомед-Эминова. – М.: ПАРФ, 2004. – С. 5-33 (0,7 п.л.).
57. Магомед-Эминов, М.Ш. Психодиагностика мотивации. Объект и методы / М.Ш. Магомед-Эминов // Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – СПб.: Речь, 2004. – С. 219-231 (0,7 п.л.).
58. Магомед-Эминов, М.Ш. Измерение мотивации достижения / М.Ш. Магомед-Эминов // Общая психодиагностика / под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. – СПб.: Речь, 2004. – С. 231-242 (0,6 п.л.).
59. Магомед-Эминов, М.Ш. Психотерапия горя: трансформационный подход. / М.Ш. Магомед-Эминов // Актуальные проблемы прикладной психологии: материалы конференции. – /Калуга, 2005. – С. 148-149 (0,2 п.л.).
60. Магомед-Эминов, М.Ш. Метапсихология мужского и женского в психоаналитической теории и практике / М.Ш. Магомед-Эминов // Мужчина и женщина в современном изменяющемся мире: психоаналитические концепции: материалы всероссийской психоаналитической конференции / под ред. А.Н. Харитоновой, А.В. Литвинова. – М.: Русское психоаналитическое общество, 2005. – С. 57-59 (0,15 п.л.).
61. Магомед-Эминов, М.Ш. Теоретические аспекты психологической помощи / М.Ш. Магомед-Эминов // Здоровье нации – основа процветания России: материалы Конгресса Всероссийского форума / под ред. Л.А. Бокерия. – М.: НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН, 2005. – С. 104-105 (0,2 п.л.).
62. Магомед-Эминов, М.Ш. Психотерапия горя: трансформационный подход / М.Ш. Магомед-Эминов // Актуальные проблемы прикладной психологии /

- под ред. Е.Н Богданова, А.В. Ершова. – Калуга : Издательство «Эйдос», 2006. – С. 149-152 (0,2 п.л.).
63. Магомед-Эминов, М.Ш. Психологический феномен безопасности / М.Ш. Магомед-Эминов // Психология перед вызовом будущего: материалы конференции / под ред. Ю.П. Зинченко. – М.: Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. – С. 457-459 (0,2 п.л.).
64. Магомед-Эминов, М.Ш. Проект «Кризисная интервенция»: исследование последствий и психологическая помощь после взрыва / М.Ш. Магомед-Эминов, Е.В. Баженова, О.Г. Квасова, О.О. Савина, И.П. Приходько // Здоровье нации – основа процветания России: материалы научно-практического Конгресса III Всероссийского форума т.3, ч.1. – М.: НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН, 2007. – С. 101-103 (0,2 п.л. - авт. вклад 0,1 п.л.).
65. Магомед-Эминов, М.Ш. Смерть и воскресение субъекта / М.Ш. Магомед-Эминов // Личность и бытие. Субъектный подход: материалы конференции / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикина. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 269-272 (0,2 п.л.).
66. Магомед-Эминов, М.Ш. «Бытийное» мышление человека / М.Ш. Магомед-Эминов // Современная психология мышления: смысл в познании: материалы конференции / под ред. Ю.П. Зинченко, А.Е. Войскунского, Т.В. Корниловой. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2008. – С. 30-33 (0,2 п.л.).